
ФИЛОСОФИЯ

УДК 1 (091): 930.1

Философско-историческая система Гегеля

В. В. ЦАЦАРИН

В западной философии XIX века наблюдается всплеск интереса к исторической проблематике. Среди представителей классической философии истории выделяется Г. В. Ф. Гегель. Его взгляды оказали огромное влияние на последующее развитие философии истории, вызвав многочисленные споры. Многие мыслители, отрицательно относясь к системе Гегеля, пытаясь противопоставить ей собственные положения, часто, тем не менее, не могли преодолеть и опровергнуть гегелевскую философию истории. Концепция развития истории Гегеля представляет собой вариант классического типа философствования, так как пытается охватить «всю» историю, дать объяснение всеобщей истории.

Целью данной статьи является исследование философско-исторических взглядов Гегеля и анализ его основных выводов, касающихся истории. В отечественной марксистской философии основное внимание уделяли гегелевскому идеализму. К. Маркс в вопросах философии истории являлся оппонентом Гегеля, поэтому позиция последнего у нас подвергалась критике. Западные позитивистски настроенные философы также критиковали Гегеля за его «антинаучный» подход к рассмотрению истории. Однако в последнее время наблюдается отход от простой критики и неприятия гегелевской философско-исторической концепции.

Исследователи отмечают, что на взгляды Гегеля основное влияние оказало учение Лейбница о восходящем прогрессе, превращающем неосознаваемое содержание разума в сознание и систематическое единство. Этот прогресс есть постоянное нарастание ценности, но только по форме, а не в реальности, так как в нём лишь уясняется всегда тождественное себе содержание разума. То, что уже содержалось в себе в природе и затем в непроявленной душевной жизни, то становится ценностью для себя, то есть превращается в живого и действующего субъекта, постигшего в собственном Я себя, Бога и мир. Всеобщее, универсально-историческое и, в конечном счете, космическое достигается исходя из единичного, из монадологического истолкования эмпирических индивидуальностей [1, с. 210]. Гегель видел поэтому в индивидуальном, эмпирическом историческом процессе реальные и живые противоположности, в которых коренится всё действительно совершающееся. Именно в них он видел подлинную жизнь истории. По определению немецкого философа Эрнста Трельча, это отодвигало центр тяжести исторического мышления в «живую середину» исторического процесса, в современность, которая живёт не ради какой-то цели, но ради самой себя [1, с. 211–212]. Каждая современность должна содержать в себе полностью весь смысл исторической жизни и именно вследствие этого включаться в закон изменения этого смысла. Этот смысл должен быть индивидуально живым, всякий раз неповторимо свойственным современности и, однако, единым во всех проявлениях.

Связывает эти противоположности гегелевская диалектика. Диалектика у Гегеля – это логика движения, которая, в отличие от обыкновенной логики, отказывающейся понять движение и исключаяющей противоположности, есть учение об их переходе друг в друга и об их самопревращении в движении становления. Основную проблему становления Гегель уясняет на примере истории. Согласно ему, сущность духа состоит в продвижении его в свою противоположность, а из неё – к восстановлению единства этой противоположности с первоначальной.

чальным положением. Эта известная триада, по Гегелю, в качестве логического закона применима к человеческой истории, как в целом, так и к каждой вычленяемой историком её части, так как каждая точка движения есть лишь форма изменения целого. Гегель утверждал, что историческое мышление, исходя из каждого современного положения, может использовать материал воспоминания и предания с тем, чтобы наглядно воспроизвести исторический процесс в направлении к самому себе и упорядочить материал эмпирического исторического исследования в духе этой диалектики, превратив его в некоторое единое целое [1, с. 216]. Таким образом, в отличие от многих современных ему историков, Гегель утверждает практическую значимость изучения истории. Прошлое необходимо знать не ради него самого, не ради чистой науки, а для лучшего понимания современности.

Сам Гегель не только проанализировал исторический процесс человечества и дал свою оценку истории, но и дал общую философско-историческую схему.

В «Лекциях по философии истории» Гегель обозначает историческое поле как проблему, которая должна быть решена в том его аспекте, в котором оно выступает как совокупность феноменов, из которых критическое понимание извлечёт смысл. Сначала он описывает историческое поле в качестве синхронистической структуры как хаос страстей, своекорыстия, насилия, несбывшихся надежд и разрушенных планов. Во-вторых, он описывает это поле в диахроническом отношении как средство для характеристики изменения вообще. При первом рассмотрении истории, по Гегелю, возникает скорее чувство неустроенности, возмущения, непостоянства, так как действия людей в истории вытекают из их потребностей, страстей, интересов, причём эти эгоистические мотивы играют главную роль, тогда как роль добродетели ничтожна [2, с. 72–73]. Но это приводит также к вопросу, «для какой конечной цели были принесены эти чудовищные жертвы?» Здесь Гегель предлагает применить то, что он называет «рефлексивной историей», то есть каузальные и типологические редукции, посредством которых историческое поле можно «произвольно» и «фрагментарно» упорядочить. Но эта операция может в лучшем случае оправдать феномены, а в худшем – подтвердить опасения по части абсурдности всей картины в целом. Гегель характеризует историю как «панораму греха и страдания», но эти «грех и страдание» он рассматривает как средство реализации некоего высшего по отношению к ним принципа. Этот принцип не дан в восприятии, но может быть познан посредством трансцендентальной дедукции категорий. Гегель охарактеризовал цель всего процесса как «принцип – план существования – закон» [3, с. 135]. Постижимый принцип (он же причина) должен быть воплощён в конкретное существование, но познать его наука, по Гегелю, ещё не может, так как тот находится ещё в стадии воплощения в истории. «Принцип, а также и правило, закон является чем-то внутренним, которое как таковое, как бы ни было оно истинно в себе, не вполне действительно. Цели, правила и т. д. содержатся в наших мыслях, лишь в наших сокровенных намерениях, но ещё не в действительности» [2, с. 75]. Поэтому мысль должна начинаться с лежащих перед ней сведений и относится к ним как к средству достижения некоторой более значимой цели. Так, по Гегелю, в предмет входят два момента: *идея* и *человеческие страсти*, причём основу составляет первая, а движущую силу – вторые [2, с. 75–76]. При этом под страстями Гегель понимает вообще деятельность людей, обусловленную частными интересами или эгоистическими намерениями. Для реализации таких намерений люди вкладывают в деятельность всю свою энергию и волю. Но одновременно, по Гегелю, вся эта масса субъективных желаний, стремлений, интересов отдельных людей является орудием и средством мирового духа для достижения его цели. Стремясь к удовлетворению своих потребностей, люди одновременно способствуют достижению цели мирового духа, которая заключается в распространении и осознании свободы.

В качестве безусловно неизменного в индивиде Гегель рассматривает моральность, нравственность, религиозность. Именно эти качества выдвигают на передний план истории и деятельности людей как её воплощения не индивидуальные интересы, а долг. Понятие долга – одно из центральных в философии Гегеля. Именно как долг индивид может осознать цель мирового духа в истории. Реализация его возможна только в государстве. Осознание этого по мере развития истории усиливается. Гегель проводит деление всемирной истории на основа-

нии осознанности людьми цели мирового духа, которой является реализация свободы. Так, на Востоке люди знали, что свободен один. Остальные находились, по сути, в несвободном положении по отношению к нему. Поэтому первой формой государства является восточный деспотизм. В античном мире происходит осознание того, что некоторые являются свободными. Несвободными здесь остаются только рабы, а государство представлено в форме демократии и аристократии. Только в германском мире, на взгляд Гегеля, происходит осознание того, что свободны все. И хотя несвобода не исчезает, но все тенденции показывают, что именно в этом направлении и идёт развитие истории. Формой государства для такого общества Гегель объявляет монархию, что многие исследователи связывают с тем положением «официального философа», которое занимал Гегель в Пруссии.

Деление истории у Гегеля является философским и неприменимо в конкретном историческом исследовании. Но, в принципе, суть движения истории человечества им выделена верно. Свобода и её осознание людьми, если и не может считаться движущей силой исторического развития, то представляет собой мощный фактор, влияющий на ход развития как некий духовный его ориентир.

Таким образом, государство у Гегеля выступает как «точнее определяемый предмет всемирной истории, в котором свобода получает свою объективность и существует, наслаждаясь этой объективностью» [2, с. 90]. Только в государстве объединяется внутреннее начало истории – идея и её осуществляющее начало – субъективные страсти. Цель государства состоит в том, чтобы субстанциональное, представленное нравственностью, моральностью и религиозностью, имело значимость и само себя сохраняло в действительной деятельности людей и в их образе мыслей. Поэтому *начало* всемирной истории Гегель относит к моменту возникновения государства, так как именно государство является осуществлением конечной цели мирового духа, а, соответственно, и истории, свободы. Времена догосударственной жизни он оставляет за рамками истории [2, с. 90].

Гегель выделяет три вида исторического сознания: первоначальное, рефлексивное и философское. Элементы этой триады также связаны между собой диалектически, представляя собой противоположности, стадии исторического самосознания, они переходят друг в друга. Американский исследователь Хейден Уайт характеризует эти стадии соответственно как историческое сознание-в-себе (просто историческое сознание), историческое сознание-для-себя (историческое сознание, которое признаёт себя в качестве такового), и историческое сознание-в-себе-и-для-себя (историческое сознание, которое не только знает себя в качестве такового, но и рефлексивно уславливает условия своего знания, то есть свои связи с объектом (прошлым), и приходит к общим выводам о природе исторического процесса в целом) [3, с. 123–124].

Что касается первоначального исторического сознания, то это начало историографии. На этой стадии историки описывают события, которые произошли в их время, или в недалёком прошлом. Причём сами они были проникнуты духом той эпохи, которую описывали, и переносили в сферу духовных представлений то, что существовало вовне. Поэтому для них нет отличия между историей, которую они проживают, историей, которую они пишут. Однако к этому типу исторического сознания Гегель не относит легенды, народные песни, предания как представления, не имеющие ясности, не отличающие вымысел от реальности. В отличие от них первоначальная история является отражением самосознания народов. Однако в силу характера деятельности первоначальных историков, их произведения не могли быть обширными и глубокими по содержанию. Автор описывает то, в чём он в той или иной степени принимал участие, или то, что он переживал. Рефлексия в таких произведениях отсутствует. Автор пытается передать читателям свои собственные чувства и ощущения [2, с. 57–58].

Рефлексивный тип исторического мышления предполагает уже осознание дистанции между историком и объектом его изучения. Дух рефлексивной истории, по словам Гегеля, «возвышается над современной (историку) эпохой», а различные теоретические приёмы, используемые разными историками, чтобы сократить временной разрыв и постичь сущность либо содержание прошлого, обуславливают различные типы рефлексивной истории. В своём анализе рефлексивной истории Гегель отходит от традиционного трёхчленного ритма своей

диалектики. Он выделяет четыре типа данного вида истории: всеобщую, прагматическую, критическую и концептуальную.

Всеобщая история – история какого-либо народа или всего мира. При этом главной задачей является обработка материала, дух эпохи которого отличен от духа эпохи историка, поэтому историк вынужден использовать рефлексию. Целью историка, пишущего всеобщую историю является описание всей истории выбранного им объекта, поэтому он вынужден прибегать к сокращениям не только в смысле опускания некоторых незначительных событий и явлений, но и в смысле схематизации описываемого. Так, по словам Гегеля, сражение, великая победа перестают быть самими собой, но резюмируются в простых определениях [2, с. 60–61]. Прагматическую историю Гегель также характеризует как фрагментарную и произвольную, конструирующую типологии на фундаменте недостаточной очевидности, что происходит вследствие необходимости редуцировать материал, прибегать к абстракциям и сокращениям. Её отличие состоит в цели написания истории: если всеобщие истории пишутся из любви к прошлому как таковому, то прагматические – для нужд настоящего, для оправдания его либо для поучения современников на примерах прошлого. Здесь историк, благодаря рефлексии, как бы осовременивает события прошлого. «Интересность» такой истории зависит от историка, от тех приёмов, которые он использует при её написании. Важное место здесь принадлежит моральным поучениям. Но, как замечает Гегель, «опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из неё» [2, с. 61]. Причину он видит в *неповторимости* каждой исторической ситуации, поэтому в каждый данный момент существуют особые обстоятельства, и действовать необходимо исходя из них, а не из сходных случаев из истории. В итоге, по Гегелю получаются скорее произведения искусств, а не научные труды.

Третий вид рефлексивной истории – критическая история – уже понимает устранение разрыва между прошлым и настоящим как самостоятельную проблему, которую необходимо решить на теоретическом уровне. Гегель характеризует её как «историю истории», так как излагается не сама история, а даётся оценка исторических повествований и исследуются их истинность и достоверность. В этом же Гегель видит её отрицательную сторону. Увлекаясь критическими операциями и не имея общепризнанного критерия установления связей между реально написанными историями и теми объектами, которые они представляют, критическая история превращается из истории предмета в историю различных историков о предмете и даже говорит о замене у многих таких историков исторических фактов выдумками [2, с. 62].

Четвёртым подвидом рефлексивной истории является, по Гегелю, понятийная или концептуальная история (*Begriffsgeschichte*). Она представляет собой высший этап рефлексивной истории. В ней рефлексивная история доходит до понимания и выделения общих точек зрения, которые являются выражением мирового духа, направляющего ход истории. Это история искусства, религии, права и т.п. Данный тип исторического сознания, по Гегелю, создаёт основу для перехода к третьему классу исторической рефлексии – философской истории.

Философия истории, по Гегелю, есть не что иное, как мыслящее рассмотрение истории. По Гегелю, историки должны иметь дело с событиями и предметами в их конкретности и особенности. Это позволяет им лучше репрезентировать прошлое. Но это же и делает их позицию ограниченной. Историки не должны пытаться найти на основе своего знания конкретные события универсальный принцип. Этим должны заниматься философы истории [2, с. 63]. Философия истории у Гегеля становится своего рода основой для науки истории. Именно она придаёт истории смысл. Цель философии истории, по Гегелю, – определить адекватность использования сознанием его предмета таким образом, чтобы «смысл истории» воспринимался и как факт сознания, и как живая реальность [3, с. 130].

Сам Гегель даёт образец такой философии истории не только в теории, но и на практике. От изложения теоретических основ философии истории он переходит к изложению всемирной истории. При этом он излагает её именно как философскую историю. Не вдаваясь в подробности конкретных событий, Гегель даёт философский обзор развития народов, которых отнёс к историческим (правомерность такого отнесения не является предметом данного исследования). В итоге получается грандиозная картина движения и развития мирового

духа и осознания людьми его цели (а значит и цели истории) – свободы. История у Гегеля есть целенаправленный процесс осознания и реализации свободы в государстве. Она начинается на Востоке и через Средиземноморье движется в зону умеренного климата Европы, где и должна достичь своего завершения, когда свобода полностью осознается людьми и воплотится в их государстве.

Таким образом, Гегель предложил своё видение решения философско-исторических проблем. Философия истории Гегеля, как и вся его философия, идеалистична. В основе истории лежит развитие мирового духа и его основного компонента – свободы. Мировой дух черпает идею свободы из самого себя, он сам есть эта идея. Диалектически отрицая себя, дух переходит в свою противоположность, в природу, где господствует необходимость. Однако дух начинает реализовывать сам себя, движется, возвращается к самому себе в процессе человеческой истории. Движущей силой истории Гегель называет человеческие страсти, удовлетворение личных, чаще всего эгоистических интересов. Однако внутренним основанием развития истории выступает идея, дух, поэтому он «хитростью» подчиняет и человеческие страсти достижению своей цели – реализации принципа свободы. Таким образом, развитие истории у Гегеля имеет телеологический характер, за что его также многие не принимали и критиковали. Свою цель дух реализует не в конкретных индивидах, а в государстве. Самое начало истории Гегель относит к возникновению государства. Развитие истории, по Гегелю, идёт с Востока на Запад. Но это движение не представляет круга. Осознание и воплощение идеи свободы достигает верха в германских народах, следовательно, дальнейшее развитие исключается. Остальным народам можно лишь «догнать» народы полосы умеренного климата Европы, то есть повторить их путь. Таким образом, философия истории Гегеля – это европоцентризм. Мировой дух движет историю, значит, иного пути развития не существует.

Что касается анализа историографии, то здесь, как видится, позиции Гегеля менее спорны. Он выделяет типы исторического сознания, причём каждый из них представляет развитие рефлексии историка. Если первоначальная история мало чем отличается от простой фиксации событий в хрониках или летописях, то философская история исследует общие идеи, движущие историю. К собственно историческим типам можно отнести типы рефлексивной историографии. Здесь Гегель, фактически говорит о вариативности истории. В зависимости от цели и средств, которые использует историк при написании работы, выделяются всеобщая, прагматическая, критическая и концептуальная или понятийная историографии. Таким образом, философия истории Гегеля представляет собой грандиозную систему, которая до наших дней исследуется, критикуется, но не лишена истины.

Abstract. Philosophic historical system of the German philosopher G. W. F. Hegel is considered in the paper.

Литература

1. Трельч, Э. Историзм и его проблемы. Логические проблемы философии истории / Э. Трельч. – Москва: Юрист, 1994. – 719 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 479 с.
3. Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2002. – 527 с.